

— Сергей, что и как привело тебя, как писателя, опять на наш Урал — после того, как в далёком уже 1977 году окончил Свердловский юридический институт? Тем паче, из Беларуси, из-за государственной теперь границы?

— Я действительно имею диплом Свердловского юридического института. И в 1972 поступал в него в Свердловске, но мало кто знает, что этот институт имел в те годы структурное подразделение — факультет в Новосибирске. И я учился там. Второй раз в поле зрения уже не института, а Уральской юридической академии я попал после того, как получил литературную премию Уральского федерального округа. С той поры меня ежегодно приглашают для участия в Евразийском конгрессе юристов, который проходит в Екатеринбурге.

— Как можно понять из твоей биографии, ты принадлежишь теперь к высшей руководящей «касте» Республики Беларусь, являясь директором НИИ теории и практики государственного управления... Как это совмещается с твоей литературной

деятельностью, с писательством как образом жизни?

— Вряд ли это так, если иметь в виду некую касту. Просто элиты делятся на специалистов и руководителей, так называемый истеблишмент, к которому относятся вторые. Меня всё время представляют секретарём Союза писателей Беларуси или директором НИИ теории и практики государственного управления. Эти сведения черпаются из Википедии. Директором я перестал быть в 2007 году, а секретарём в 2011-м. И сейчас я являюсь свободным профессором, читаю лекции по теории права в ряде вузов Минска. Трудно сказать, как это в то время совмещалось с писательством, поскольку я никогда не был «на вольных хлебах». Можно только отметить — «выход продукции» в это время был меньшим, потому что приходилось много времени уделять работе организационной.

— Что ты считаешь самым важным и определяющим в писательском ремесле — и в своём, и в творчестве тех писателей, которых ты ценишь?

— Разумеется, меня что-то подтолкнуло к писательству,

иначе я бы не стал этим заниматься. И это что-то и является определяющим. Мой первый рассказ я написал, будучи взрослым человеком, мне было тогда 28 лет, написал ведомый некоей неудовлетворённостью, тем, что создавали в тот момент советские писатели. Я полагал, что это результат того, что они либо не знают жизни, либо не могут интересно об этой жизни рассказать.

Чуть позже я написал повесть «Заложники», в которой описал первые проявления того, что называют теперь терроризмом. В ней заложниками были не только те, кто был захвачен преступниками, но и те, кто по долгу службы должен был их освободить, поскольку в те времена они не были готовы к этому...

Таким образом я пытался предупредить уж если не всё человечество, то довольно значительную часть его о «наступающей гидре терроризма».

Но редакторы повесть отвергли: за «очернение действительности», за описание «спецназовских технологий», за неверие автора в светлое будущее, которое наступит вот-вот в виде «социализма с человеческим лицом». Напечатана повесть была только двенадцать лет спустя, в журнале «Криница», то есть когда её социальная актуальность была утрачена. Но именно с тех пор я понял, что существует промысел Божий, и если человечеству или какой-то его части суждено разбить нос на какой-то исторической кочке, так

тому и быть. С тех пор я просто пишу, чтобы поделиться своими мыслями с моими читателями.

— **Какова, скажем так, «идея фикс» в твоём творчестве, что бы ты хотел в первую очередь донести до своих читателей?**

— Кабы я знал, чего я хочу донести. Просто время от времени мне кажется, что мой читатель нуждается в моих рассказах, повестях и романах.

— **Чем, на твой взгляд, отличается белорусская литература, проза в частности, от собственно русской, и насколько глубоко это различие — если оно есть, конечно?**

— Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно не читать произведения белорусских авторов, а изучать и сравнивать с российскими. Поскольку я этого не делаю, то и ответить на вопрос не могу. Мне ближе то, что касается лично меня, а именно как меня «позиционируют» белорусские литераторы, критики и рецензенты. У них я «русский писатель из Беларуси», «белорусский писатель, пишущий на русском языке», «русскоязычный белорусский писатель», «русско-белорусский писатель». Попытки повесить на грудь того или иного писателя некую табличку, свидетельствующую о его принадлежности к той или иной касте, понятны. Это одна из разновидностей определения

своих и чужих. Иногда это делается, чтобы приблизить кого-либо к своей группе, иногда, наоборот, увеличить пропасть между чужими и своими. В моём же случае всё лежит на поверхности. Моя цивилизационная принадлежность определяется местом, где я родился и сформировался как личность. А это город Карасук Новосибирской области. Поэтому я русский писатель, живущий в Беларуси.

— Ты рассказывал, что встречался с нашим земляком-писателем Владимиром Васильевичем Карповым, написал сценарий телефильма о нём. Какие твои дальнейшие планы, продолжишь ли своё «писательское расследование» относительно личности этого своеобразного литературного деятеля?

— Владимир Васильевич действительно удивительный человек. В начале нулевых я работал над сценарием фильма «Любимец Сталина» о самом молодом командующем фронтом И. Черняховском. Сценарий имел полным формат неигрового, но на «Беларусьфильме» сказали, что могут позволить в плёночном варианте только двухчастёвку, то есть двадцать минут. Фактически из планируемого фильма вышел некий киноочерк «Вспоминая Черняховского».

И вместе со многими не был снят и уникальный в своём роде эпизод, когда командующий фронтом этот Бог на войне уделяет время для встречи с командиром взвода пешей разведки перед его выводом за линию фронта.

Но всё что не совершается, совершается к лучшему и уже на «Белвидеоцентре» мы с режиссёром В.Скворцовой, отгалкиваясь от этого неснятого эпизода, сняли фильм о Владимире Карпове «Чуть смелее других».

Создать что-то подобное сегодня я уже не смогу: ушли из жизни В. Карпов и В.Скворцова.

— Как ты оцениваешь наш оренбургский литературный фестиваль «Красная Гора» по сравнению с другими писательскими встречами-мероприятиями, на которых приходилось бывать? Что, тебе кажется, нужно бы добавить в программу проведения, как улучшить его?

— Следуя прекрасному библейскому принципу «не суди», я не буду его оценивать, а просто скажу, что его формат вырос из объективных факторов вашего оренбургского пространства и оренбургской истории. «Красная гора» — плод творчества оренбургских писателей и мне не хотелось бы вмешиваться в их планы по дальнейшему его развитию, поскольку лучше вас этого никто не сделает.